

Е.О. Мельник (Житомир)

Урбанистическое пространство русскоязычной мемуаристики Волыни первой половины XIX в.

Мемуаристика Правобережной Украины эпохи романтизма и позитивизма представлена разветвленной поджанровой системой, на модификации и ассимиляции которой влияли паралитературные свойства текста, среди которых, например, цеховая принадлежность автора. Благодаря этому можно выделить мемуаристику губернаторскую, военную, повстанческую, семейную [Ершов 2010: 69–115] etc. Главной особенностью макротекста волынской «губернаторской» мемуаристики является язык, а именно русский язык, – обязательный атрибут модификационной принадлежности. Среди авторов «губернаторской» мемуаристики Волыни I половины XIX в. назовем Е. Ф. Комаровского, А. П. Римско-Корсакова, Н. И. Мамаева и Н. П. Синельникова. Изучением волынского пространства занимались литературоведы, среди которых В. Гнатюк, В. Ершов, Л. Оляндер, М. Брацка, Я. Колбушевский, Ст. Ульш.

Актуальность исследования обусловлена значимостью мемуарных текстов губернаторов в контексте мемуаристического пространства Волыни XIX в. и Правобережной Украины в целом. Цель – определение предметно-тематических доминант, функций городского пространства, реализованного в «губернаторской» мемуаристике Волыни посредством художественного создания урбанистического образа Житомира.

Своеобразие рефлексий в художественной структуре городского пространства Волынской губернии или отдельных ее сегментов зависело от авторской экзистенции, на которую влияло эмоционально-психологическое состояние, предыдущий опыт, атрибутивные и акцентные характеристики мемуариста. В «Записках» Н. И. Мамаева ху-

дожественно воспроизведена контаминация культур. Адъютант фиксирует внимание на малороссах, евреях, поляках и, конечно, русских, которые типизированы в диспозициях типа «свой – чужой», «свой – другой», что, в свою очередь, было обусловлено внелитературными и внетекстовыми влияниями, среди которых особое значение имели геополитическая специфика региона и «внешний» взгляд на Волынь, как «чужое, иное, отличное», «который формируется в зависимости от места пребывания автора и его происхождения» [Оляндер 2008: 39].

Адаптация российского мемуариста в «чужом» урбанистическом пространстве проходила через ряд этапов: от неприятия города и его жителей до восприятия их как «свой – другой», Н. И. Мамаев: «Первое впечатление, которое произвел на меня Житомир было не в его пользу» [Мамаев 1901: 791], Е. Ф. Комаровский: «Я чувствовал себя нездоровым, а это назначение еще больше испортило мое здоровье <...> был почти в одиночестве», но благодаря генералу М. И. Комбурлею «жизнь в Житомире была довольно приятной» [Комаровский 1990: 128]. А. П. Римский-Корсаков также принимал активное участие в жизни изначально «чужого» города, что было продиктовано должностной необходимостью налаживать отношения с местным дворянством и формировать авторитет государственной власти [Римский-Корсаков 1980: 26].

Репером художественного пространства Житомира был дом губернатора, который производил довольно-таки противоречивое впечатление на русских управленцев. В оппозиции к нему изображались, как правило, губернаторский сад и губернский театр, как средоточие культурной жизни города, которые для мемуаристов были знаковыми центрами урбанистического пространства. Однако и их рефлексии в текстах испытывают определенные трансформации: от секулярной Н. И. Мамаева, который в «Записках» эмоционально вспоминает про его недостатки: «В Житомире был и театр, но, Боже мой, что это за театр! Деревянное полуразрушенное здание. <...> Шторы все в дырах, кулисы в лохмотьях. Актрисы или старые, или страшные» [Мамаев 1901: 801], до рациональной в «Записках сенатора» М. П. Синельникова, которому было присуще более прагматичное видение: организовав добровольный сбор средств, «я занялся строительством <...> театра» [Синельников 1895: 394].

Художественное пространство Житомира в произведении Н. П. Синельникова отрефлектировано согласно поэтикальным особенностям позитивизма и ассоциируется с должностным докладом, в котором автор отчитывается о состоянии города, обращая внимание на те объекты, которые удалось улучшить, а именно: шоссе из Киева до Новоград-Волынского, житомирский собор, губернаторский дом, театр [Синельников 1895: 389–397].

Образ города в эпоху романтизма и позитивизма стал одним из обязательных объектов рецепции в мемуаристическом тексте. Исследуя предметно-тематические рефлексии города в губернаторской мемуаристике Волыни, отметим, что русская мемуаристика испытала на себе определенное влияние польской, украинской и еврейской культур. В губернаторских записках урбанистическое пространство I-й половины XIX в. интерпретируется, как правило, как дискретное, а топоним города выступает эмоционально окрашенным источником для прагматических рефлексий. Город обретает черты образа-концепта, существующего в пристрастной (субъективной) эмоциональной интерпретации его жителей, истории и материальных объектах (сегментах).

Л и т е р а т у р а

- Єришов В.О.* Польська мемуаристична література Правобережної України доби романтизму: Монографія. – Житомир : Полісся, 2010. – 454 с.
- Комаровский Е.Ф.* Записки. – М.: Внешторгиздат, 1990. – 176 с.
- Мамаев Н.И.* Записки // Исторический вестник (СПб). – 1901. – Т. 85. – № 9. – С. 784–827.
- Оляндер Л.К.* Волинський текст в українській та польській літературах (XIX – XX ст.): Монографія. – Луцьк: Волинський національний університет ім. Лесі Українки, 2008. – 236 с.
- Римский-Корсаков Н.А.* Летопись моей музыкальной жизни. – М.: Музыка, 1980. – 454 с.
- Синельников Н.П.* Записки сенатора // Исторический вестник (СПб). – 1895. – Т. 59. – № 2. – С. 380–397.